

Къ исторіи еедосѣвскаго толка.

Игнатій Трофимовъ.

Игнатій Трофимовъ—это имя еедосѣвскаго наставника, который во второй четверти XVIII столѣтія былъ широко извѣстенъ и уважаемъ во всей безпоповщинѣ за свою дѣятельность и нравственныя качества. Даже поморцы называли его „первѣйшимъ“ среди еедосѣвскихъ учителей ¹⁾, „старѣйшимъ наставникомъ“ ²⁾, „первымъ предводителемъ“ ³⁾ и т. п. именами. При его непосредственномъ участіи совершались почти всѣ извѣстныя намъ событія еедосѣвской исторіи отмѣченнаго періода; а два наиболѣе важныя факта этой исторіи—двѣ попытки примиренія еедосѣвщины и поморщины по вопросу о титулѣ на крестѣ Христовѣ—имѣли въ Игнатія и главнаго руководителя. Подъятыя имъ при выполненіи этого примиренія многолѣтніе и тяжелые труды—„зѣльные подвиги“ ⁴⁾—снискали ему эпитетъ миротворца.

I.

Жизнь и дѣятельность Игнатія Трофимова до 1724 года.

Жизнь и дѣятельность Игнатія Трофимова распадается на три главные періода. Границею между первымъ и вторымъ періодами служить 1724 годъ, выдвинувшій Игнатія на обще-безпоповщинскую арену. Третій періодъ начинается при-

1) „Житіе Семена Денисова“.—См. въ Ркп II П. Б. Q I, № 1064, л. 50-й.

2) „Письмо Даниловскаго поморскаго наставника Федора Калинина въ Москву въ 1757 г.“—въ Ркп II П. Б. O I, № 443, л. 198

3) Ркп II П. Б. Q I, № 1026, л. 35; ср. Ркп II П. Б. O. I, № 443, л. 187

4) Ркп II П. Б. O. I, № 443, л. 196

близительно съ 1740 года. Характеризуется онъ тѣмъ, что мѣстомъ дѣятельности Игнатія въ это время является Москва.

Полнаго „житія“ учителя Игнатія раскольническая литература не сохранила. Имѣющіяся въ ней свѣдѣнія представляютъ собою или описаніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ моментовъ его жизни и дѣятельности, или—во многихъ случаяхъ—это просто коротенькія, случайныя, отрывочныя и схематичныя замѣтки. Не велики о немъ и официальные данныя ¹⁾. Игнатій былъ раскольникомъ потаеннымъ и умѣлъ хорошо заматать свои слѣды и хоронить отъ глазъ духовнаго и свѣтскаго правительства концы своей дѣятельности. Особенно скудны свѣдѣнія о немъ за время до 1724 года.

По происхожденію своему Игнатій Трофимовъ былъ „Юрева монастыря вотчины деревни Моклокова крестьянской сынъ“ ²⁾. Годъ его рожденія точно не извѣстенъ. Можно лишь сказать приблизительно, что родился Игнатій въ третьей четверти XVII столѣтія ³⁾. Родился и выросъ онъ въ православной семьѣ. Сократился въ расколъ уже будучи взрослымъ,—по крайней мѣрѣ въ моментъ соращенія онъ

¹⁾ Таковы—нѣсколько „Дѣлъ“ въ архивѣ Св. Синода и одно дѣло архива Новгородской Дух. консисторіи (№ 2-й за 1726 годъ)

²⁾ Дѣло архива Новгородской Дух. консист. 1726 г № 2-й, л. 163-й. Павелъ Любопытный называетъ Игнатія „государственнымъ крестьяниномъ“ (см. въ „Библиотекѣ старообръческой Церкви“—Игнатій Трофимовъ) Но официальное показаніе людей, близко знавшихъ Игнатія лично, должно быть для насъ гонечво болѣе достовѣрнымъ.

Деревня Маклоково находится въ Старорусскомъ у. Новг. губ

³⁾ Павелъ Любопытный въ „Словарѣ“ свидѣтельствуетъ, что Игнатій умеръ въ 1761 году 85 ти лѣтъ отъ роду. Выходить—родился онъ въ 1676 г. Но дѣйствительнымъ годомъ смерти Игнатія, какъ увидимъ ниже, является 1745 г. Если теперь мы согласимся что Игнатій умеръ дѣйствительно 85 лѣтъ отъ роду, то годомъ его рожденія должны будемъ признать 1660 г. годъ.—Нѣтъ точныхъ основаній къ тому, чтобы остановиться на которой либо одной изъ этихъ двухъ датъ съ несомнѣнностью. Остается возможнымъ лишь общее заключеніе о рожденіи Игнатія вообще въ третьей четверти XVII вѣка. Что не позже этого времени родился Игнатій, это подтверждаютъ слова нѣкои дѣвки Ирины Агаеиной, которая въ 1724 году видѣла Игнатія и показывала въ Старорусской вотчинной конторѣ Невскаго монастыря, что Игнатій въ это время казался на видъ уже „волныхъ лѣтъ и склоненъ къ старости“ (Дѣло архива Новгор. Кон-

называется „мужикомъ“ ¹⁾. „Присовокупилъ его во лжеученіе“ безпоповщинское самъ Феодосій Васильевъ еще до своего удаленія въ Польшу, т. е. значить въ послѣднемъ десятилѣтіи XVII вѣка ²⁾. „Въ толкованіи реченій ясное и въ поученіе всѣмъ разумное“ ³⁾ слово учителя пало въ данномъ случаѣ—какъ и во многихъ другихъ—на удобную почву. „Поселянинъ, самый грубіанъ и невѣжда“ оказался и способнымъ и ревностнымъ въ усвоеніи „правой вѣры“ ученикомъ. А благодаря способностямъ и ревности Игнатія вскорѣ же сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ спутниковъ и соработниковъ Феодосія въ путешествіяхъ послѣдняго „по всему Великоновоградскому уѣзду, и Псковскому, даже и до Москвы, по волостямъ и деревнямъ“ ⁴⁾. Это время было для Игнатія отличной школой въ подготовкѣ къ будущей дѣятельности.

Въ 1699 году учитель Игнатія Феодосій Васильевъ бѣжалъ въ Польшу. Очевидно въ числѣ постоянныхъ жителей Польскихъ феодосіевыхъ обитателей Игнатія Трофимова не было. Въ противномъ случаѣ онъ, какъ ближайшій соработникъ Феодосія, несомнѣнно проявилъ бы такъ или иначе свое непосредственное участіе въ разыгравшихся въ первомъ десятилѣтіи XVIII вѣка важныхъ событіяхъ безпоповщинской исторіи. Навѣрное Феодосій взялъ бы и его съ собою напр. на Вычь въ 1706 году, когда ѣхалъ туда для рѣшительной бесѣды о вѣрѣ съ поморцами. Между тѣмъ въ числѣ шести польскихъ „старѣйшинъ“—спутниковъ Феодосія—имя Игнатія Трофимова не упоминается ⁵⁾. Не знаетъ

1) Въ „Извѣщеніи праведномъ“ на стр. 118-й Григорій Яковлевъ говоритъ слѣдующее: „Феодосій Васильевъ прельстился въ 1690 году, отступя отъ Соборной Церкви и присовокупилъ во лжеученіе свое нѣкоихъ мужиковъ Василія Семенова, Игнатія Трофимова, Терентія Васильева и иныхъ подобныхъ имъ мужиковъ же, поселянъ, самыхъ грубіанъ и невѣждъ“

2) Но вѣроятно Игнатій былъ совращенъ послѣ 1694 года, такъ какъ подъ „Уложеніемъ“ собора 1694 г. его подписи нѣтъ, въ то время какъ подписалъ напр. Терентія Вас. уже есть (см. „Внутр. вопросы въ расколѣ въ XVII в.“ П. С. Смирнова, стр. 045).

3) Житіе Феодосія Васильева—по Ркп. И. П. В. Q. I. № 1081, л. 6-й

4) Григ. Яковлевъ—„Извѣщеніе праведное“, стр. 118

5) Эти спутники перечислены въ „Житіи Феодосія Васильева“ (см. въ Чт. Моск. Общ. Исторіи и Древн. Росс. 1869 г., кн. 2, отд. V, стр. 53) и

его затѣмъ раскольническая литература и среди еодосѣвскихъ отцовъ Ряпиной мызы. Поэтому надо положить, что въ 1699 году Игнатій разстался съ Θεодосіемъ и встрѣтилъ XVIII вѣкъ въ родныхъ Новгородско-Старорусскихъ краяхъ. Эти края и становятся теперь постоянной ареной его дѣятельности. Здѣсь именно и была позднѣе—въ 1724 году—зарегистрована официальною властью его долговременная пропагаторская дѣятельность ¹⁾.

Цѣлыхъ 25 лѣтъ (1699 — 1724) Игнатій работалъ въ Новгородско-Старорусскихъ краяхъ. Уже самая продолжительность этой дѣятельности должна была доставить ему здѣсь широкую извѣстность и славу. Но славы онъ былъ достоинъ и въ другихъ отношеніяхъ. Не говоримъ уже о единовѣрцахъ Игнатія;—даже „внѣшніе“, т. е. не еодосѣвцы, даютъ о немъ согласно „доброе свидѣтельство“ и какъ о человѣкѣ, и какъ объ учителѣ. Скупой на похвалы еодосѣвскимъ наставникамъ раскольнической біографъ Павелъ Любопытный говоритъ въ своемъ „Словарѣ“ объ Игнатіи, что это былъ человѣкъ „хорошаго сердца, незлобивый, миролюбивый и почитавшій раздоръ церковный за тяжкій грѣхъ“, „мужъ подвижный въ созиданіи Церкви“ ²⁾. И другой поморець—Федоръ Калининъ, „Даниловскихъ странъ настоятель“,—на самомъ себѣ лично испытавшій умиротворяющее вліяніе личности и бесѣдъ Игнатія, называетъ его „мужемъ добраго права и кромѣ всякаго злохитрства“ ³⁾.

Въ чемъ же, частіе, проявлялась дѣятельность Игнатія за описываемый періодъ?

Какъ прежде, находясь при Θεодосіи, Игнатій много времени проводилъ въ странствованіяхъ, такъ и теперь онъ „ходилъ вездѣ по людямъ“ ⁴⁾, т. е. остался тѣмъ же странствующимъ учителемъ. И къ пожертвованію спокойствіемъ

въ „Сказаніи о началѣ раздора еодосіевыхъ съ Выгорѣцкимъ общежитствомъ“ (ibid стр. 96).

¹⁾ Въ слѣдствіи по дѣлу „о подговорѣ въ расколъ и убійствѣ дворянскаго сына Ивана Саблина“ (Дѣло архива Новгород. консисторіи за 1726 г. № 2-й

²⁾ П. Л. „Историческій Словарь“—Игнатій Трофимовъ

³⁾ Письмо Федора Калиныча въ Москву 1757 года см. въ Ркп И П Б О. I. № 443, л. 159 об.

⁴⁾ Дѣло Новгороцк. консист. 1726 г. № 2-й.

осѣдлой жизни у него были различные мотивы. Большую роль здѣсь играла конечно его ревность—именно то, что Павелъ Любопытный разумѣетъ подъ „подвижностью въ созиданіи Церкви“. Затѣмъ—Игнатій, какъ большинство фео-досѣевскихъ учителей, былъ раскольникомъ потаеннымъ. Въ этомъ положеніи, „боясь бѣды“ ¹⁾, онъ также былъ крайне заинтересованъ въ томъ, чтобы обращать на себя возможно меньше вниманія духовныхъ и свѣтскихъ властей. Отноше-ніе правительства Петровскаго времени и вообще не было снисходительнымъ къ потаеннымъ раскольникамъ, а во вто-рой половинѣ царствованія Петра I-го въ особенности. У Игнатія же Трофимова усиливающимъ вину обстоятель-ствомъ какъ разъ и являлась его пропагаторская дѣятель-ность. И вотъ частые переходы съ мѣста на мѣсто позво-ляли ему ускользать отъ вниманія мѣстныхъ властей въ теченіе цѣлой четверти столѣтія. Благодарные за его вели-кіе труды единовѣрцы всячески берегли и укрывали его. Въ цѣляхъ предосторожности ему приходилось часто избира-ть мѣстомъ своихъ „бесѣдъ“ т. наз. заднія избы, клѣтки, нежилая, сарай и т. под. укромныя убѣжища,—совершать перекрещиванье и другія духовныя требы темными ночами да въ небольшихъ глухихъ деревняхъ ²⁾.

Какъ ревностный учитель, Игнатій сознавалъ лежащую на немъ нравственную обязанность не только обращать въ „правую“ вѣру, но и заботиться о возможныхъ удобствахъ для новообращенныхъ—а равно и всѣхъ „христіанъ“—въ дѣлѣ содержанія ими этой „правой“ вѣры—о томъ, чтобы эти души христіанскія не были такъ или иначе звѣроулов-лены отъ мысленнаго никоніанскаго волка въ своей жизни по древлему благочестію. Лучшимъ традиціоннымъ сред-ствомъ для этого считалось удаленіе изъ Россіи за Польскій рубежъ; къ этому средству издавна и часто прибѣгали въ особенности раскольники Новгородско-Старорусскихъ краевъ. Дорога въ Польшу была торная. Шли сюда потому, что здѣсь „древлецерковные законы содержатъ пришельцемъ воля дая-щаяся“ ³⁾. Правда, жизнь тутъ не всегда была спокойною.

¹⁾ Ibid

²⁾ Ibid.

³⁾ Житіе Ф. В. ва — стр. 92

Извѣстно напр., что набѣги польскихъ жолнеровъ вынудили Θεодосія Васильева даже возвратиться на родину, но въ общемъ всетаки было легче терпѣть эти случайные разбойничьи набѣги, чѣмъ сносить систематическія преслѣдованія на родинѣ.

И о самомъ Игнатіи мы имѣемъ оффиціальное показаніе, что въ 1724 году ему была уже хорошо знакома „та ихъ старовѣрческая обитель“ въ Польшѣ ¹⁾. Знакома она была Игнатію съ самаго ея возникновенія, какъ жилище его учителя Θεодосія Васильева. Несомнѣнно то, что Игнатій послѣ удаленія Θεодосія въ Польшу не прерывалъ съ нимъ сношеній и навѣрное не одинъ разъ посѣщалъ его тамъ еще въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка. И въ послѣдующіе годы у него были причины для продолженія знакомства съ этой обителью. Онъ былъ человѣкъ осторожный и безъ нужды жизнью не рисковалъ. Поэтому въ случаяхъ серьезной опасности и самъ несомнѣнно на время уходилъ туда, возвращаясь по минованіи опасности опять въ родныя мѣста на излюбленное дѣло. Въ 1719 году послѣ разрушенія Ряпиной мызы въ Польшу бѣжали многіе изъ главныхъ еедосѣевскихъ столповъ ²⁾, и здѣшнія обители опять сдѣлались если не главнымъ, то во всякомъ случаѣ однимъ изъ видныхъ руководящихъ центровъ еедосѣевщины. Въ этомъ случаѣ путешествія сюда Игнатія Трофимова имѣли и то значеніе, что какъ его самого держали въ курсѣ „церковной жизни“, такъ и между самыми еедосѣевскими общинами поддерживали чрезъ него связь и единомысліе.

Сюда то—въ Польшу—и отправлялъ Игнатій „христіанъ“, желавшихъ скрыться отъ вниманія гонительнаго духовнаго и свѣтскаго правительства. По дорогѣ въ Польшу у него были въ различныхъ мѣстахъ и знакомые „пристановщики“, и укромные этапы, и хорошіе проводники. Да и самъ онъ часто бралъ лично на себя трудъ переправлять желавшихъ идти за рубежъ ³⁾.

Такая жизнь и дѣятельность создала Игнатію огромную

1) Дѣло архива Новгород. Консисторіи 1726 г. № 2-я

2) Таковы напр. Евстратъ Еедосѣевъ съ дядей Егоромъ, Терентій Васильевъ, Иванъ Ведря и др (Издвѣщ. праведное стр. 119; ср. Опнѣ тол. и дѣлѣ архива Св. Синода т. I, стр. 436—437)

3) Дѣло Новгород. консисторіи 1726 г. № 2-я

популярность въ родныхъ краяхъ. Правда, эта популярность досталась ему цѣною слишкомъ большихъ трудовъ и лишений. Прежній близкій сподвижникъ „блаженнаго страдальца“ Феодосія, онъ—при желаніи—могъ очень выгодно утилизировать эту популярность. Поселись напр. въ Ряпиной мызѣ, онъ несомнѣнно занялъ бы подобающее почетное мѣсто среди здѣшнихъ „отцовъ“; сытый покой, почетъ и уваженіе были бы ему удѣломъ. Но Игнатій не искалъ широкой извѣстности, не честолюбіе руководило его дѣятельностью. Онъ довольствовался выпавшимъ ему жребіемъ такъ сказать помѣстнаго учителя въ глуши—въ глубинѣ „Церкви“.

Нѣтъ тайнаго, что бы не открылось.

Цѣлыхъ 25 лѣтъ Игнатій самостоятельно работалъ такъ на пользу своей „церкви“, счастливо въ общемъ, избѣгая знакомства съ еретическими властями. Пришелъ онъ уже въ „полныя лѣта“ и сталъ склоняться къ старости—и все оставался неутомимымъ. Несомнѣнно, на своемъ дѣлѣ въ родныхъ краяхъ онъ намѣревался и дни свои окончить;—но въ концѣ первой четверти XVIII вѣка судьба выбросила его изъ этой его привычной, окончательно повидимому опредѣлившейся, колеи. Случилось слѣдующее обстоятельство, ярко—между прочимъ—иллюстрирующее намъ обстановку и образъ дѣятельности Игнатія.

По деревнямъ и въ самой Старой Руссѣ у Игнатія было не мало добровольныхъ агентовъ обоего пола, которые помогали своему учителю въ дѣлѣ пропаганды. Одинъ изъ таковыхъ агентовъ—нѣкая вдова Фекла Андреевна, крестьянка Черенчицкаго погоста ¹⁾, деревни Малыхъ Черенчицъ, занимавшаяся тканьемъ становъ на дворѣ комиссара Старорусской Александро Невскаго монастыря вотчинной конторы Василя Литвинова, узнала, что „пищикъ“ той же конторы—дворянскій сынъ Иванъ Саблинъ—„склоненъ“ къ расколу ²⁾. Она со своей стороны начала его „подговаривать“. Согласившись перейти въ старую вѣру, Иванъ рѣшилъ оставить свою должность и уйти за рубежъ. Въ качествѣ проводника

¹⁾ Версгахъ въ 40—45 отъ Старой Руссы

²⁾ Весь этотъ разсказъ ведется по „Дѣлу о подговорѣ въ расколъ и убійствѣ дюр. сына Ивана Саблина“ (Дѣло архива Новгородской консисторіи 1726 г. № 2-й

туда Саблину Ѳекла стала искать Игнатія Трофимова. Въ іюнѣ 1723-го года она встрѣтила его въ дер. Веряско Черенчицкаго погоста и передала ему желаніе Саблина. Игнатій конечно согласился. Тогда Ѳекла стала просить Саблину „во увѣреніе“ письма. Но осторожный Игнатій „письма“ не далъ, а просилъ Ѳеклу передать Саблину какой то „деревянный жеребей“ съ вырѣзаннымъ на немъ зарубками своимъ и Саблина именемъ и отчествомъ,—и сказать Саблину, чтобы онъ ждалъ Игнатія въ Руссѣ. Когда же онъ—Игнатій—будетъ тамъ, то „по тому жеребью можетъ де сыскать его“ и возьметъ съ собою. Саблину тогда Ѳекла сказала, что „навѣдала такого человѣка, раскольничьяго учителя, который можетъ ево за рубежъ доставить“, а также передала и „жеребей“. Не видно изъ „Дѣла“, исполнилъ ли Игнатій свое обѣщаніе, т. е. отыскалъ ли въ Руссѣ Ивана Саблина, но въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1724 года Иванъ, желая уйти за рубежъ, явился, переодѣтый въ женское платье—въ худой сарафанъ, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ,—въ дер. Малыя Черенчицы къ Ѳеклѣ. Шесть дней онъ скрывался здѣсь у нея въ домѣ. Тутъ его научали расколу дѣвка Прасковья Скочкова—старорусская торговка, да зять ея—сосѣдъ Ѳеклы—крестьянинъ Степанъ Совѣтовъ. Потомъ Совѣтовъ отправилъ Саблина къ своему шурину—крестьянину дер. Козлова Ляховичскаго погоста ¹⁾ Ивану Матвѣеву, который тоже считался раскольническимъ „учителемъ“. Здѣсь Саблинъ долженъ былъ прожить до зимы, а куда Совѣтовъ сталъ искать Ивану провожатаго. Но Ивану за рубежъ уйти не пришлось. Въ домѣ Ивана Матвѣева онъ захворалъ „веснухой“. Пришедшій сюда Игнатій Трофимовъ нашелъ Ивана уже „при смерти“. Объ отправленіи за рубежъ конечно нечего уже было и думать. И вотъ Игнатій свелъ больного Саблина на рѣку и здѣсь „вночи свечера“ перекрестилъ его съ нареченіемъ имени Андрея. Самъ Игнатій Трофимовъ былъ и крестнымъ отцомъ. Новицкій скоро умеръ, былъ въ домѣ отпѣтъ и погребенъ на полосѣ Матвѣева у рѣки Робыи.

1724 года 3 Ноября въ Старорусскую Александро-Невскаго монастыря вотчиную контору поступило „челобитіе умершаго дворянина Пахома Саблина жены вдовы Евдокіи Аеа-

1) Ляховичскій погостъ смежный съ Черенчицкимъ.

насьевой о подговорѣ въ расколъ и убійствѣ сына ея Ивана крестьяниномъ Новгородскаго Юрьева монастыря вотчины Ляховичскаго погоста деревни Козловой Ивановъ Матвѣевымъ“. Наведшая различныя справки, мать Саблина просила привлечь къ отвѣтственности и учителя Игнатія Трофимова, перекрещивавшаго ея сына. Дѣло было передано Новгородскимъ духовнымъ властямъ. Начались энергичныя розыски и аресты виновныхъ. 5 января 1725 года были арестованы нацр. Степанъ Совѣтовъ съ сыномъ. Арестованы были и многія другія лица, причастныя такъ или иначе къ дѣлу. Но найти Игнатія Трофимова никакъ не могли, хотя искали долго и усиленно, потому что изъ показаній допрошенныхъ лицъ духовныя власти увидѣли, сколь опаснымъ пропагаторомъ раскола былъ этотъ „наставникъ“. По словамъ сестры Матвѣева Авдотьи „какъ увѣдалъ про оной Саблина сыскъ, оной раскольническій ихъ наставникъ Игнатій тогда отлучился изъ оной Юрьевской ихъ вотчины (дер. Козлова) зарубежь.“

Розыски по дѣлу Саблина продолжались больше десяти лѣтъ. Крайне осторожный и раньше, Игнатій едва ли теперь рисковалъ на долго возвращаться для дѣятельности въ родные края. Новгородскій періодъ своей дѣятельности онъ долженъ былъ считать съ этого времени въ сущности оконченнымъ. Тяжело было несомнѣнно ему покидать родину, но, какъ увидимъ дальше, въ Польшѣ судьба готовила ему еще большую славу и выдвинула его на положеніе одной изъ центральныхъ фигуръ во всей Ѳеодосѣвщинѣ.

II.

Игнатій Трофимовъ въ Польшѣ.

Главными моментами дѣятельности Игнатія Трофимова за время его жизни въ Польшѣ служатъ прославившія его по всей безпоповщинѣ двѣ поѣздки на Выгъ съ цѣлью примиренія Ѳеодосѣвщины и поморщины. Но прежде чѣмъ описывать эту миротворческую дѣятельность Игнатія авторъ настоящаго очерка вынуждается отдѣльно остановиться на выясненіи хронологическихъ датъ этихъ двухъ поѣздокъ. Рукописныя памятники, сообщающіе о миротворческой дѣятельности Игнатія, критически вообще еще въ литературѣ

не обследованы. И въ той своей части, гдѣ они говорятъ о путешествіяхъ Игнатія, они представляютъ много разногласій — и довольно крупныхъ.

Пособіемъ при опредѣленіи нужныхъ намъ хронологическихъ датъ удобнѣе всего можетъ служить одинъ памятникъ уже напечатанный. Этотъ памятникъ — Сказаніе „о началѣ раздора еодосіевыхъ съ выгорѣцкимъ общежительствомъ и о причинѣ того, чего ради оный бысть“ (напеч. Н. Поповымъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древн. Росс. за 1869 г., кн. 2, отд. V, стр. 93—106).

Въ качествѣ общей характеристики этого памятника слѣдуетъ указать на то, что сочиненіе это полемическое, имѣющее свою цѣль доказать неосновательность причинъ отдѣленія еодосѣвцевъ отъ поморцевъ. Авторъ его конечно всю вину въ раздорѣ слагаетъ на еодосѣвцевъ, называя этотъ раздоръ результатомъ ихъ „ревности не по разуму“ и „необысканія“ ими „конечныхъ“ ¹⁾. — Но для насъ является важнымъ собственно слѣдующее обстоятельство. На достовѣрности сообщаемыхъ въ „Сказаніи“ свѣдѣній значительно отразилось сравнительно позднее время происхожденія этого памятника. Авторъ „Сказанія“ далеко не былъ современникомъ описываемыхъ событій ²⁾ и при составленіи своихъ историческихъ сочиненій долженъ былъ пользоваться то письменными источниками, то иногда не вполне свѣжими устными преданіями. Очевидно, притомъ, онъ получаемыя свѣдѣнія вносилъ въ свои сочиненія безъ необходимой критической провѣрки, результатомъ чего и являются въ его сочиненіяхъ многія неисправности и погрѣшности. Въ данномъ сочиненіи авторъ, напр., ошибочно считаетъ днемъ смерти Θεодосія Васильева 25-е Іюля 1711 года (на самомъ дѣлѣ Θεодосій умеръ 23-го числа)...

На страницахъ 100-й и 102-й „Сказаніе“ повѣствуетъ о двухъ путешествіяхъ Игнатія Трофимова на Выгъ. При этомъ главнымъ компаньономъ Игнатія въ обѣихъ поѣздкахъ называется „Даниловскихъ странъ“ поморскій учитель

¹⁾ Стр. 105 и 94

²⁾ Авторомъ „Сказанія“ былъ Тимовой Андреевъ, „поморской Лекеинской старшина“ и „сію исторію сочинилъ 1796 года“ (см. 106 стр.) По Павлу Любоп. онъ умеръ въ 1808 году 63-хъ лѣтъ отъ роду; — значить родился около 1745 года

Федоръ Калининъ. Первое путешествіе состоялось—говорится здѣсь—„въ третійнадесять годъ отъ раздѣленія, отъ мірозданія же 1727 (1719)“, а второе было „въ лѣто 7244 (1736) въ Генварѣ мѣсяцѣ“. Промежутокъ между этими двумя событіями получается, такимъ образомъ, въ 17 лѣтъ. Страненъ и возбуждаетъ большія сомнѣнія по своей продолжительности этотъ 17-лѣтней промежутокъ періодъ „обысканій“ Игнатія о титулѣ. Само же „Сказаніе“ говоритъ, что Игнатій „облетая искаше оныя титулы“ ¹⁾. Неужели, при страстныхъ поискахъ, понадобилось ему всетаки цѣлыхъ 17 лѣтъ?... — Сохранилось письмо упомянутаго спутника Игнатіева Феодора Калинина въ Москву отъ 1757 года ²⁾, въ которомъ онъ описываетъ, между прочимъ, оба эти путешествія. Самыхъ датъ ни перваго ни втораго путешествія здѣсь ни приведено, но промежуткомъ между ними полагается лишь „года три или четыре“ ³⁾. Для насъ показаніе самого участника событій несомнѣнно цѣннѣе и достовѣрнѣе. По этому по крайней мѣрѣ одна изъ датъ „Сказанія“ должна быть ошибочной.

Слѣдующія данныя свидѣлствуютъ объ ошибочности даты перваго путешествія. „Сказаніе“ является почти единственнымъ памятникомъ, относящимъ посвѣщеніе Игнатіемъ Выга, бывшее еще при жизни Андрея Денисова, къ 1719 г.

Кромѣ него еще относитъ эту поѣздку къ тому же 1719 г. одно „Житіе Семена Денисова“ ⁴⁾, гдѣ говорится, что „въ лѣто 7227 приходилъ изъ нихъ (федосѣевцевъ) первѣйшій Игнатій Трофимовъ“ ⁵⁾. Напротивъ, очень многіе другіе памятники раскольничьей литературы согласно свидѣлствуютъ, что эта первая Игнатіева поѣздка на Выгъ имѣла мѣсто въ 1727 году. Извѣстныя намъ шесть свидѣтельствъ

¹⁾ Сказаніе—стр. 101

²⁾ Содержится въ ркп. И. П. Б. О. I, № 443, лл. 188—219; начало его есть въ ркп. той же И. П. Б. О. I, № 1026, л. 24—25 об.

³⁾ Ркп. И. П. Б. О. I, № 443, л. 192 об.; ср. Q I, № 1026, л. 25.

⁴⁾ Мы не считаемъ однимъ изъ первоисточниковъ еще „Хронологическое ядро“ П. Любопытнаго, которое тоже относитъ эту поѣздку къ 1719 году (р.п. И. П. Б. I, № 485, л. 339). При общей зависимости его отъ поморскихъ сочиненій весьма возможно, что и данное свидѣніе заимствовано П. Л-мъ именно изъ „Сказанія“.

⁵⁾ Ркп. И. П. Б. Q. I, № 1064, л. 50-й.

въ пользу этой послѣдней даты ¹⁾ вполне подрываютъ достовѣрность свидѣтельства „Сказанія“, не имѣющаго за собой, кстати, и качественного авторитета въ формѣ древности своего происхожденія. „Сказаніе“ говоритъ затѣмъ, что главнымъ предметомъ этой бесѣды 1719 года былъ вопросъ о титулѣ на крестѣ Христовѣ и что мирный конецъ ея былъ завершёнъ особымъ „примирительнымъ письмомъ“. А между тѣмъ это „примирительное письмо“ во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ его датируется 5 Августа 1727 года ²⁾. Такимъ образомъ, все убѣждаетъ, что первое путешествіе Игнатія на Выгъ было не въ 1719 году, какъ утверждаетъ „Сказаніе“, а въ 1727 году ³⁾. Поэтому и обстоятельства этого путешествія, описанныя въ „Сказаніи“, мы должны считать обстоятельствами путешествія 1727 года.

Есть и нѣкоторыя общія соображенія противъ принятія даты 1719 года. Для еодосѣвщины это былъ тяжелый годъ. Если поѣздка Игнатія имѣла мѣсто лѣтомъ—до 5 Августа

1) Таковы: 1) „Краткая исторія о соблазнахъ еодосіева согласія—ркп. И. П. Б. О. I, № 443, л. 153 об.—154; это сочиненіе по всѣмъ признакамъ принадлежитъ перу того же Тимоея Андреева; 2) поморское посланіе неизв. автора—ркп. И. П. Б. Q I, № 1026, л. 35; 3) замѣтка въ той же ркп. № 1026 на л. 25 об.: „Ѡ. Калпычъ свидѣтельствуеъ: како были впоморье въ монастырѣ влѣто 7235“...; 4) „Книга Петербургскихъ христіанъ мпра дѣянія 1791 г. Генв. 4“—въ ркп. Владим. семинаріи № 75, л. 96 об.; 5) въ той же рукописи Владим. семинаріи № 75, л. 366 об.—въ письмѣ Ал. Як. Балчужнаго; и 6) Письмо Зенкова къ Вас. Емельянову—Правосл. Обзорѣніе 1864 г. т. XV, стр. 237—въ примѣчаніи (Н. Барсовъ почему то не довѣряетъ этому прямому свидѣтельству письма Зенкова о 1727 годѣ, и въ своей статьѣ „Братья Андрей и Семень Денисовы“—въ Правосл. Обзорѣніи за 1865 г. т. XVІІІ, стр. 245—говорить лишь приблизительно: „около 1725 года“).

2) Напр.—въ томъ отрывкѣ, который изданъ Н. Поповымъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1869 г. кн. 2, стр. 117—118; въ рукописяхъ И. П. Б. О. I, № 369, л. 91—93; Q. I, № 1026, л. 26—27 об.; Q. I, № 1089, л. 32—33 об.; въ ркп. Владим. семинаріи № 75, л. 122 об. 124 об.; въ „Хронологич. ядрѣ“ П. Любопытнаго—ркп. И. П. Б. T. I, № 485, л. 359—360.

3) Въ одномъ памятникѣ это первое путешествіе Игнатія относится даже къ 1715 году. Этотъ памятникъ—„Краткое лѣтосчисленіе настоящаго вѣка“ (помѣщается онъ въ приложеніи къ „Извѣщенію праведному“ Григорія Яковлева—см. стр. 150, и онъ же въ ркп. И. П. Б. Q. I, № 1083—неполный—л. 269—270 об., см. л. 270). Но объ ошлбочности этой даты мы уже и не говоримъ

1719 года, то значить это было спустя какихъ-нибудь три мѣсяца послѣ разрушенія Ѳеодосѣвской Рязиной мызы, разгона однихъ и поимки другихъ ея наставниковъ. Разбѣжавшіеся Ѳеодосѣвскіе учителя лѣтомъ этого года были заняты несомнѣнно хлопотами по устроению своей внѣшней жизни, а не снаряженіемъ столь серьезной экскурсіи. Да и Игнатій Трофимовъ, какъ мы знаемъ, въ это время спокойно миссіонерствовалъ въ родныхъ Новгородско Старорусскихъ краяхъ и въ движеніи богословской мысли своихъ единовѣрцевъ не принималъ непосредственнаго участія.

Ошибочно указана въ „Сказаніи“ и дата второго путешествія Игнатія. Если это путешествіе, по свидѣтельству письма Ѳедора Калинина, имѣла мѣсто „года три или четыре прошедши“ послѣ перваго, то очевидно, что временемъ его былъ январь мѣсяць или 1731-го, или 1732 года ¹⁾. Раньше 1731 года оно состояться не могло, потому что было уже „по преставленіи блаженныя памяти отца Андрея мудраго“ ²⁾.

¹⁾ Къ 7244 (1736) году относить это 2-е путешествіе Игнатія еще „Житіе Семена Деясова“—въ ркп. И. П. Б. Q. I, № 1064, л. 50 об.—А „Хронологическое ядро“ (ркп. И. П. Б. T. I, № 485, л. 341) даетъ для него дату 1722 года. Происхожденіе этой даты у П. Любопытнаго объясняется тѣмъ, что онъ, принявъ для 1-го путешествія неправильную дату—1719 годъ, при опредѣленіи затѣмъ даты 2-го путешествія правильно прибавилъ къ 1719 (м. б. зная свидѣтельство Ѳ. Калинина) три года, и т. о. получилъ 1722-й годъ.

²⁾ Неизвѣстно, откуда авторъ „Сказанія“ взялъ для 2-го путешествія Игнатія дату 1736 года, но относительно происхожденія даты 1719 года можно сдѣлать одно очень вѣроятное предположеніе. Въ „Сказаніи“ мы замѣчаемъ часто вообще встрѣчающіяся переводъ лѣтъ отъ сотворенія міра на годы отъ Р. X. Очень легко въ такихъ случаяхъ могло случиться, что или самъ Тимошей Андреевъ, или м. б. даже еще его источникъ, переводя въ данномъ случаѣ 7235-й годъ отъ сотворенія міра на годъ отъ Рождества Христова, по недосмотру перевелъ лишь цифры единиць и десятковъ, а сотни и тысячи оставилъ непереведенными. Благодаря этому и получилась дата „7227-й годъ“, которая—снова, полностью, не переведенная на годы отъ Р. X.—я дала уже 1719-й годъ. Подобныя ошибки при переводѣ лѣтъ отъ сотворенія міра на годы отъ Р. X. повторяются и въ другихъ сочиненіяхъ Тимошей Андреева. Такъ напръ въ „Краткой исторіи о соблазнахъ Ѳеодосіева согласія“ (ркп. И. П. Б. O. I, № 443, л. 144 об.—186) на л. 155 обор. говорится, что „отецъ Андрей Діонисіевичъ“ „умре въ лѣто 7230 е“ (извѣстно, что А. Д. † 1 Марта 1730 г.); а „морь“ 1771 года датруется здѣсь 7271 годомъ (л. 167-й). Ясно, что и въ этихъ

который (Андрей Денисовъ) умеръ 1 марта 1730 года. Относительно обстоятельствъ этого описаннаго въ „Сказаніи“ путешествія 1736 года опять замѣтимъ, что такъ же, какъ обстоятельства путешествія 1719 года мы отнесли къ 1727 году, такъ и случившееся на мнимомъ свиданіи 1736 года мы должны отнести къ дѣйствительному 1731—1732 года.

Такимъ образомъ, датю путешествія Игнатія получается лѣто 1727 года, а датю второго—январь 1731—1732 года.

Переходимъ теперъ къ описанію дѣятельности Игнатія Трофимова.

II. Иустиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

двухъ случаяхъ переведены съ лѣтъ отъ сотв. міра на годы отъ Р. Х. лишь цифры единицъ и десятковъ, а сотни и тысячи оставлены непереведенными.